

Научная статья
УДК 340.115.3, 340.132.626, 340.142
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/186-199>
EDN: <https://elibrary.ru/WHELAL>

Место руководящей судебной практики в механизме правового регулирования

Варавенко Виктор Евгеньевич

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Ниязова Марина Валентиновна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Традиционный взгляд на постановления высших судебных инстанций как на акты официального толкования не отражает их влияния на правоприменение, порождая проблему несоответствия доктринальных представлений фактической роли судебной практики. Необходимость разрешения этого противоречия определила проблему исследования. Статья посвящена исследованию вопроса о месте руководящей судебной практики в механизме правового регулирования. Опираясь на примененные методы исследования, авторами проанализировано становление и развитие категории «механизм правового регулирования» в общей теории права, исследованы теоретические и законодательные основы принятия актов руководящей судебной практики Верховным Судом РФ. В ходе анализа и оценки содержания актов официального толкования Верховного Суда РФ выявлено наличие в них методологических указаний и правил, не квалифицируемых в качестве разъяснений норм действующего законодательства. По результатам анализа сделан вывод о нормативно-интерпретационной природе указанных актов и определено их место в механизме правового регулирования как юридического средства, взаимодействующего с нормами права на первой стадии процесса правового регулирования общественных отношений.*

***Ключевые слова:** руководящая судебная практика, акты официального толкования, постановления Пленума Верховного Суда РФ, механизм правового регулирования, судебское правотворчество, право интеллектуальной собственности, международное частное право*

***Для цитирования:** Варавенко В. Е., Ниязова М. В. Место руководящей судебной практики в механизме правового регулирования // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 2. С. 186–199. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/186-199>. EDN: <https://elibrary.ru/WHELAL>*

Original article

The place of guiding judicial practice in the mechanism of legal regulation

Viktor E. Varavenko

Far-Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

© Варавенко В. Е., 2026

© Ниязова М. В., 2026

Marina V. Niyazova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The traditional view of the highest court's rulings as acts of official interpretation fails to reflect their impact on the application of the law, creating a disconnect between doctrinal concepts and the actual role of judicial practice. The need to resolve this contradiction forms the basis of this study. This article examines the place of guiding judicial practice within the mechanism of legal regulation. Based on case-specific research methods, the authors analyze the formation and development of the category "mechanism of legal regulation" in general legal theory and examine the theoretical and legislative foundations for the adoption of guiding judicial practice by the Supreme Court of the Russian Federation. An analysis and assessment of the content of the Supreme Court's official interpretations revealed the presence of methodological guidelines and rules that are not qualified as clarifications of current legislation. Based on the analysis, a conclusion is drawn regarding the normative and interpretative nature of these acts and their place within the mechanism of legal regulation as a legal tool interacting with legal norms at the initial stage of the process of legal regulation of social relations.*

Keywords: *governing judicial practice, acts of official interpretation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legal regulation mechanism, judicial lawmaking, intellectual property law, private international law*

For citation: *Varavenko V. E., Niyazova M. V. The Place of Guiding Judicial Practice in the Mechanism of Legal Regulation // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 2. P. 186–199. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/186-199>. EDN: <https://elibrary.ru/WHELAL>*

Введение

Руководящая судебная практика традиционно рассматривается в отечественной юридической науке в качестве официального толкования норм действующего законодательства. Возникая в процессе применения права, путем последующего обобщения и закрепления в интерпретационных правовых актах она обеспечивает единообразное применение законодательства в ходе разрешения споров о праве, применения мер юридической ответственности за правонарушения и преступления.

Подобное видение природы и назначения актов высших судебных органов не является общепризнанным. В науке совершенно не исследован вопрос о «механике» действия руководящей судебной практики в ходе правового регулирования. В чем заключается ее регулятивная функция? На каком этапе процесса правового регулирования руководящая судебная практика включается и с какими правовыми средствами взаимодействует? Перспективным является анализ указанных вопросов с позиции общетеоретической конструкции «механизм правового регулирования». Это позволит выявить взаимосвязи руководящей судебной практики с иными юридическими средствами правового регулирования, а также исследовать динамику ее воздействия на общественные отношения.

Для достижения заявленной цели необходимо: во-первых, провести обзор точек зрения ученых на предмет конструкции «механизм правового регулирования»; во-вторых, выявить характеристики актов руководящей судебной практики, выделяемые в науке и закрепленные в законодательстве; в-третьих, исследовать содержание актов руководящей судебной практики. Это позволит лучше понять роль руководящей судебной практики в правовой системе, ее функции

в процессе правового регулирования общественных отношений. Для решения заявленных исследовательских задач авторами применены общенаучные и частнонаучные методы познания правовой действительности (логический, формально-юридический и др.).

Поскольку количество актов руководящей судебной практики в настоящее время значительно¹, третья задача будет решена на основе исследования ограниченного количества актов руководящей судебной практики Верховного Суда РФ, применяющихся в сфере права интеллектуальной собственности и международного частного права, в частности Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» и от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

Основная часть

1. Юридическая конструкция «механизм правового регулирования» в общей теории права. Категория «механизм правового регулирования» является достижением и особенностью отечественной юридической науки. Введению данной категории в научный оборот мы обязаны выдающемуся цивилисту и теоретику права Сергею Сергеевичу Алексееву. Основанное на идее единства правовых норм и их практической реализации «...понятие «механизм правового регулирования» призвано раскрыть структурные особенности юридической части надстройки, рассматриваемой в динамике, в движении» [1, с. 152].

Определение понятия «механизм правового регулирования» претерпевало различные изменения. Одни ученые, определяя его, делают акцент на структурной составляющей («механизм правового регулирования – это система юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование») [2, с. 166], другие – на динамической («механизм правового регулирования выражает деятельную сторону процесса перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений») [3, с. 97], третьи вводят дополнительные признаки, в частности цель правового регулирования («механизм правового регулирования – это система юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений, содействия удовлетворению интересов субъектов права») [4, с. 227].

Взаимосвязь динамики и структуры в механизме правового регулирования выражена прежде всего в том, что конкретный состав юридических средств регулирования общественных отношений (элементов механизма правового регулирования) и последовательность их расположения обусловлены стадиями процесса правового регулирования [1, с. 154]. Практически все авторы сходятся в том, что правовое регулирование выражается в последовательно сменяющихся

---

¹ По состоянию на 15 апреля 2026 г. в справочной поисковой системе «Консультант Плюс» размещено свыше 570 правовых актов Пленума и Президиума Верховного Суда РФ. Кроме того, в процессе правового регулирования применяются акты руководящей судебной практики, изданные Высшим арбитражным судом РФ, действующие в части, не отмененной актами Верховного Суда РФ, а также акты, содержащие правовые позиции Конституционного суда РФ.

себя стадиях: 1) общего действия норм; 2) возникновения прав и обязанностей; 3) реализации прав и исполнения обязанностей. К этому добавляют факультативную стадию применения права, которая в зависимости от специфики процесса правового регулирования включается либо между первой и второй стадиями (когда для возникновения прав и обязанностей требуется участие компетентного властного органа), либо между второй и третьей стадиями (когда для реализации права требуется применить меры государственного принуждения).

Отталкиваясь от сходных представлений о стадиях процесса правового регулирования, ученые, вместе с тем, по-разному подходят к определению состава юридических средств, входящих в структуру механизма правового регулирования. Их количество различается в диапазоне от четырех (нормы права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, акты применения права) [3, с. 97] до девяти (юридические нормы, нормативные правовые акты, акты толкования, юридические факты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности) элементов [2].

Позиция авторов на предмет количества элементов связана с тем или иным пониманием объема категории «механизм правового регулирования». С. С. Алексеев видел механизм правового регулирования в единстве узловых (нормы, правоотношения, действия по реализации) элементов и иных правовых явлений, задействованных в процессе правового регулирования: «[в]се другие правовые явления – нормативные акты, толкования, юридическая техника, правовая ответственность и др. – примыкают (могут быть «привязаны») к тем или иным основным звеньям механизма» [1, с. 153]. С. А. Комаров проводит разграничение между «механизмом правового регулирования» и «механизмом правового воздействия». Первый является частью второго и включает в себя только нормы, правоотношения, акты реализации и акты применения права. Иные правовые явления входят в состав механизма правового воздействия, но не механизма правового регулирования [3, с. 92]. А. В. Поляков исходит из понимания «механизма правового регулирования» в широком и узком смысле: «Механизм правового регулирования в широком смысле складывается из двух блоков: социопсихического механизма (механизма легитимации нормативных фактов, придания им правового значения) и собственно правового механизма... Механизм права в узком смысле слова (механизм действия права, механизм правового регулирования) состоит из следующих элементов: общенормативных правовых текстов, общих правовых норм, правовых (юридических) фактов, правоотношений, индивидуальных актов реализации прав и обязанностей, актов толкования права, правоприменительных актов» [5, с. 450].

В контексте темы исследования важна позиция ученых о месте официального толкования в механизме правового регулирования. По данному вопросу в доктрине отсутствует единый подход. Выделение толкования в качестве элемента механизма правового регулирования проводится не всеми учеными. Те же, кто указывает на его присутствие, относят его к разным стадиям процесса правового регулирования. С. С. Алексеев рассматривал толкование в качестве элемента, взаимодействующего с нормой права, что соответствует первой стадии

процесса правового регулирования: «[т]ак, на стадии юридических норм некоторое единство образуют правосознание, нормативные юридические акты, нормы права, акты, выражающие развитие правотворческого процесса, *интерпретационные акты*, юридическая техника...» (курсив наш. – В.В., Н.М.) [1, с. 154]. А. В. Поляков относит толкование к стадии применения права: «[п]ри возникновении препятствий для реализации своего права или при неисполнении какими-либо субъектами своих обязанностей к действию правового механизма подключается государство, *толкую законодательство* и конкретный случай правонарушения и осуществляя правоприменительную деятельность» (курсив наш. – В.В., Н.М.) [5, с. 450, 451].

Таким образом, за более чем полувековое существование в юридической науке категория «механизм правового регулирования» претерпела ряд изменений. Однако как при ее введении в научный оборот, так и сейчас в ней нет общепринятого, разделяемого всеми, или хотя бы большинством ученых видения места официального толкования. А это затрудняет понимание функций и роли руководящей судебной практики в процессе правового регулирования. Ключом к пониманию этого вопроса является определение природы и юридического содержания руководящей судебной практики как объективно существующего правового явления, что предполагает анализ и оценку введенных в действие и применяемых на практике актов высших судебных органов.

2. Руководящая судебная практика: теория и законодательство. Согласно господствующим общетеоретическим воззрениям, руководящая судебная практика представляет собой официальные разъяснения норм действующего законодательства. Она фиксируется в актах официального толкования, издаваемых высшими судебными органами в пределах их компетенции. Акты официального толкования являются разновидностью правовых актов, но не относятся к категории источников права. Однако эти положения, претендующие на статус аксиом, подвергались и подвергаются переосмыслению и оспариванию, как с позиций доктрины, так и правоприменительной практики.

Вопрос о статусе актов руководящей судебной практики неразрывно связан с обсуждаемым в отечественной юридической науке феноменом судейского правотворчества. Со второй половины XIX в. и до наших дней в дореволюционной, советской и постсоветской отечественной науке высказывались мнения в поддержку признания за актами руководящей судебной практики статуса самостоятельного источника права. Сторонниками этой позиции были выдающиеся правоведы царской России Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, Е. Н. Трубецкой. В советской юридической периодике часто дебатировался вопрос о юридическом статусе руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. Что касается практики того времени, показательным является свидетельство заместителя председателя Верховного Суда РФ профессора В. М. Жуйкова, высказанное в отношении разъяснений Пленума ВС СССР и Пленума ВС РСФСР: фактически судебная практика «признавалась источником права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на них как на правовую основу» [6, с. 475]. На современном этапе развития сторонниками признания судейского право-

творчества являются М.Н. Марченко [3], А.Г. Карапетов [7] и другие выдающиеся ученые.

Поскольку в юридической науке отсутствует общепринятое мнение о статусе актов руководящей судебной практики, понимание их природы и последующее определение их места в механизме правового регулирования должны основываться на анализе законодательства, образующего правовую основу деятельности высших судебных органов по их разработке и изданию, а также на исследовании и оценке содержания этих актов. Начнем с законодательства, образующего правовую базу деятельности Верховного Суда РФ по изданию актов руководящей судебной практики. Его полномочия в этой сфере вытекают из Конституции РФ и конкретизируются в федеральных конституционных законах и регламентах.

Согласно ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд Российской Федерации уполномочен давать «...разъяснения по вопросам судебной практики»². В соответствии с положениями Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – Закон)³ Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (п. 1 ч. 3 ст. 5 Закона), а Президиум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает отдельные вопросы судебной практики (п. 7 ч. 1 ст. 7 Закона). Деятельность Пленума ВС РФ воплощается в постановлениях; Президиума ВС РФ – в обзорах судебной практики.

Согласно п. 3.1.1 Регламента Верховного Суда РФ (далее – Регламент)⁴, постановления принимаются в заседаниях Пленума ВС РФ, проводимых раз в четыре месяца. Для работы над проектами постановлений Пленум назначает редакционную комиссию. Важную роль в разработке постановлений играет секретарь Пленума ВС РФ. Он принимает участие в подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда, вносимых на его рассмотрение, участвует в работе редакционных комиссий для доработки проектов постановлений с учетом замечаний и предложений; совместно с разработчиками проектов постановлений осуществляет окончательную редакционную проверку принятых постановлений, подписывает и обеспечивает их передачу на подпись председателю ВС РФ; обеспечивает публикацию постановлений на официальном сайте ВС РФ в сети Интернет и «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации».

Согласно п. 3.2 Регламента, Президиум ВС РФ утверждает обзоры законодательства и судебной практики, которые доводятся до сведения судей и работников аппарата ВС РФ, направляются в нижестоящие судебные инстанции и

---

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс.

³ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс.

⁴ Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2 // КонсультантПлюс.

публикуются в ежеквартальных (и тематических) обзорах законодательства и судебной практики ВС РФ, а также в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации».

Итак, действующее законодательство предусматривает два вида актов руководящей судебной практики, принимаемых ВС РФ: постановления и обзоры. Первые содержат разъяснения, напрямую не связанные с конкретными спорами, разрешенными судами (абстрактные разъяснения); вторые включают правовые позиции, сформулированные в результате рассмотрения конкретных споров (казуальные разъяснения). Для целей данного исследования авторы сосредоточатся на анализе и оценке содержания постановлений Пленума ВС РФ.

В завершение обзора законодательства обратим внимание на изменение законодательной формулировки полномочия Пленума ВС РФ по сравнению с формулировкой, содержащейся в ранее действовавшем законодательстве. Согласно п. 1 ч. 4 ст. 14 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»⁵, утратившей силу с 05.08.2014 г. в связи с принятием Федерального конституционного закона от 12.03.2014 № 5-ФКЗ, Пленум ВС РФ «дает судам общей юрисдикции *разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики*», тогда как в ныне действующем Законе он «... дает судам *разъяснения по вопросам судебной практики* в целях обеспечения *единообразного применения законодательства Российской Федерации*» (курсив наш. – В.В., Н.М.). Это как раз тот случай, когда изменение порядка слов приводит к существенному изменению смысла правила. «Разъяснение по вопросам применения законодательства» означает не что иное, как толкование норм действующего законодательства, тогда как «разъяснение вопросов судебной практики» толкованием норм не ограничивается, а затрагивает иные аспекты процесса применения права (обращение к принципам и доктринам, формулирование методологических разъяснений), напрямую не выводимые из содержания норм действующего законодательства. Таким образом, можно утверждать, что возможность Верховного Суда РФ выйти за рамки толкования действующего законодательства при формулировании абстрактных разъяснений санкционирована федеральным конституционным законом.

3. Анализ актов руководящей судебной практики в сфере права интеллектуальной собственности и международного частного права. Утверждение о том, что акты руководящей судебной практики содержат исключительно разъяснения норм действующего законодательства, может быть подтверждено или опровергнуто лишь на основе анализа и оценки их содержания. Если в них содержатся положения, напрямую не выводимые из содержания норм законов, характеризующиеся общеобязательностью, императивностью, рассчитанные на многократность применения, а также лежащие в основе решений судов по конкретным делам, это будет объективным свидетельством их нормативной природы.

---

⁵ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 01.12.2012) // КонсультантПлюс.

Обратимся к постановлениям Пленума ВС РФ в сфере права интеллектуальной собственности и международного частного права.

3.1. Руководящая судебная практика в сфере права интеллектуальной собственности. Базовым источником официальных разъяснений содержания норм, образующих подотрасль права интеллектуальной собственности в отечественном гражданском праве, является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 10)⁶. Данный акт официального толкования включает положения, разъясняющие содержание норм части IV ГК РФ⁷ во взаимосвязи с материальными и процессуальными нормами, содержащимися в других источниках. Например, п. 32 Постановления № 10 детализирует состав личных неимущественных и иных прав, указание на которые содержится в ст. 1226 ГК, а также фиксирует их исчерпывающий (предусматриваемый только нормами ГК РФ) перечень.

Однако кроме положений, детализирующих и разъясняющих смысл норм действующего законодательства, в Постановлении № 10 содержатся иные по своей природе положения. В качестве примера обратимся к содержанию п. 43 Постановления № 10, относящегося к ст. 1239 ГК. Содержание указанной статьи исчерпывается закреплением права заинтересованного лица требовать выдачи принудительной лицензии в судебном порядке, чего явно недостаточно для его практической реализации. Рассматриваемый пункт проясняет эту неопределенность. Во-первых, разъясняется, что суд, рассматривая дело данной категории, применяет по аналогии нормы ст. 445 ГК РФ о заключении договора в обязательном порядке. Иными словами, принудительная лицензия по своей природе является договорным обязательством, устанавливаемым решением суда. Во-вторых, устанавливаются требования к содержанию искового заявления и резолютивной части решения по данной категории дел. В-третьих, отмечается, что суд, определяя условия принудительной лицензии, проводит их обсуждение со сторонами, т. е. организует согласование условий. Данные положения п. 43 Постановления № 10 явным образом не следуют из содержания ст. 1239 ГК РФ и представляют собой методологические указания, обращенные к суду, заинтересованному лицу и правообладателю исключительного права и применяются при разрешении конкретных споров⁸.

Но еще больший интерес представляет содержание абз. 5 п. 43 Постановления № 10, в котором содержатся положения о прекращении действия принудительной лицензии: «[д]ействие принудительной лицензии может быть прекращено в соответствии с положениями статьи 450 ГК РФ (в том числе в судебном

⁶ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // КонсультантПлюс.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // КонсультантПлюс.

⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 января 2024 г. по делу № А40-185112/2022 // КонсультантПлюс.

порядке по иску патентообладателя на основании абзаца третьего пункта 1 статьи 1362, пункта 4 статьи 1423 ГК РФ). *Односторонний отказ от принудительной лицензии недопустим*» (курсив наш. – В.В., Н.М.). Данный запрет не следует ни из содержания общих положений о гражданско-правовом договоре (согласно ст. 450.1 ГК сторона вправе в одностороннем внесудебном порядке отказаться от исполнения договора в случаях, предусмотренных законом или договором), ни из правил, регулирующих лицензионные договоры (согласно п. 4 ст. 1237 ГК РФ правообладатель вправе в одностороннем внесудебном порядке отказаться от лицензионного договора в определенных случаях). Фактически данное «разъяснение» представляет собой полноценную императивную, запретительную норму, фиксирующую обязательный судебный порядок прекращения отношений по принудительной лицензии, отсутствующий в действующем законодательстве.

Аналогично в п. 39 Постановления № 10 суд закрепляет правило, определяющее последствия заключения лицензионного договора на срок, превышающий срок действия исключительного права. Согласно п. 4 ст. 1235 ГК, «[с]рок, на который заключается лицензионный договор, не может превышать срок действия исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации». Перед нами императивная, запретительная норма, нарушение которой, выражающееся в согласовании условия о сроке, превышающем срок существования исключительного права, в регулярном состоянии приводит к недействительности по меньшей мере такого условия по ст. 168 ГК. Однако, в соответствии с указанным пунктом Постановления № 10, «...договор, содержащий условие о сроке его действия, превышающем срок действия исключительного права, считается заключенным на срок, равный сроку действия исключительного права». Данное положение, смягчающее правовые последствия нарушения императивной нормы, применяемое судами в ходе разрешения конкретных споров⁹, не вытекает из содержания ст. 1235 ГК и не может рассматриваться как официальное разъяснение ее содержания.

3.2. Руководящая судебная практика в сфере международного частного права. Ключевые для отрасли международного частного права абстрактные разъяснения содержатся в Постановлении Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее – Постановление № 24)¹⁰. Как и в ранее рассмотренных актах руководящей судебной практики в сфере права интеллектуальной собственности, ряд положений Постановления № 24 представляют собой разъяснение норм действующего законодательства – раздела VI Гражданского кодекса, во взаимосвязи с положениями иных нормативных актов и международных договоров РФ. Это, например, п. 2, в котором содержится разъяснение нормы п. 1 ст. 1186 ГК РФ, содержащей открытый перечень форм иностранного элемента. Пленум

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2021 г. № 09АП-22787/2021 // КонсультантПлюс.

¹⁰ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 // КонсультантПлюс.

напрямую заявляет о том, что перечень не является исчерпывающим и, опираясь на содержание ряда международных договоров, приводит примеры обстоятельств, которые следует квалифицировать в качестве иных форм иностранного элемента, осложняющих частноправовые отношения.

Однако далеко не все положения в Постановлении № 24 можно отнести к разъяснениям норм действующего законодательства. Например, положения, закрепленные в пп. 3–6, представляют собой методологические указания по работе с источниками международного частного права в процессе его применения. Фактически они устанавливают алгоритм, последовательность обращения правоприменителя к отдельным источникам, содержащим материальные и коллизионные нормы, обосновывая эту последовательность доктринальными положениями (например, теоретическое правило о соотношении общего и специального закона). Примечательным является следующее положение п. 6 Постановления № 24: «При определении наиболее тесной связи суд также может принимать во внимание, применение права какой страны *позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов* (защита добросовестной стороны, недопустимость извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения, запрет злоупотребления правом, защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки, запрет необоснованного отказа от исполнения обязательства и т. п.)» (курсив наш. – В.В., Н.М.). Данное положение однозначно не выводится из содержания ст. 1186 ГК РФ, закрепляющей принцип наиболее тесной связи. Фактически оно вводит в отечественный оборот коллизионную доктрину «приемлемого результата», когда суд, разрешающий спор, должен оценить результат выбора того или иного национального правопорядка и принять решение, в большей степени соответствующее разумным ожиданиям сторон, соображениям справедливости и добросовестности¹¹. Эти методологические указания не выводятся из содержания норм раздела VI ГК РФ.

Любопытным является положение п. 8 Постановления № 24, которое призвано «разъяснить» вопросы применения ст. 1188 ГК РФ о выборе права страны со множественностью правовых систем. Согласно п. 1 указанной статьи, «[в] случае, когда подлежит применению право страны, в которой действуют несколько правовых систем, применяется правовая система, определяемая в соответствии с правом этой страны»¹². Однако в соответствии с указанным пунктом Постановления № 24 «[п]о смыслу статьи 1188 ГК РФ, если коллизионная норма позволяет определить в качестве применимого права конкретную правовую систему страны с множественностью правовых систем, то отношение регулируется нормами такой правовой системы... Если же коллизионная норма содержит коллизионную привязку, которая не позволяет определить применимое право

¹¹ Коллизионная доктрина приемлемого результата была сформирована в США во второй половине XX в. См.: Лунц Л. А. Международное частное право. Общая часть. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 168, 169.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс.

конкретного административно-территориального образования страны с множественностью правовых систем, применяется правовая система, определяемая в соответствии с правом страны с множественностью правовых систем». Совершенно очевидно, что прямой (т. е. при помощи отечественной коллизионной нормы) выбор права одной из территорий страны с множественностью правовых систем не следует из содержания ст. 1188 ГК РФ. При помощи процитированного положения, фактически не соответствующего буквальному смыслу ст. 1188 ГК РФ (прием толкования *contra legem*), суд корректирует не совсем удачную с практической точки зрения норму, тем более что такой подход давно применяется в судебной практике¹³.

Помимо официальных разъяснений норм и методологических указаний в Постановлении № 24 встречаются полноценные нормы права. Начнем с абз. 2 п. 35 Постановления № 24, в котором содержится следующее «разъяснение»: «[в] частности, такие специальные коллизионные нормы установлены для договоров о распоряжении исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (пункты 6–8 статьи 1211 ГК РФ). При разрешении споров из таких договоров следует иметь в виду, что содержание и ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, срок их действия, допустимые способы распоряжения и необходимость государственной регистрации договоров либо отчуждения, залога, перехода, ограничения или прекращения исключительного права, предоставления права использования в любом случае определяются на основании права соответствующих стран, на территории которых действует правовая охрана такого результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (пункт 2 статьи 1186, пункт 1 статьи 6 и пункт 2 статьи 1231 ГК РФ)» (курсив наш. – В.В., Н.М.). Выделенный фрагмент представляет собой полноценную коллизионную норму, объем которой описывает «статут исключительных прав», а двухсторонняя привязка отсылает к праву страны, где испрашивается правовая охрана результата интеллектуальной деятельности. Данное правило не выводится из содержания норм раздела VI ГК РФ. Примечательно, что это правило в значительной степени совпадает по содержанию с коллизионной нормой, сформулированной в ст. 1207.2 «Право, подлежащее применению к исключительным правам на интеллектуальную собственность» раздела VI ГК РФ в итоговой редакции рабочей группы по подготовке изменений и дополнений в Гражданский кодекс по состоянию на 15.12.2010 г. [9, с. 620, 621], исключенное из окончательной редакции поправок в ГК РФ.

Далее, согласно п. 32 Постановления № 24, стороны договора могут по соглашению друг с другом выбрать для регулирования договорных обязательств право третьего государства, не связанного ни с одной из сторон договора, а также акты «мягкого права» – результаты негосударственной унификации материального права, имеющие рекомендательный характер. Данные возможности не выводятся из содержания норм ст. 1210 ГК РФ, т. е. не являются ее разъяснением.

¹³ См. например: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 26.05.2011 № 05АП-2545/2011 по делу № А59-4760/2010 // КонсультантПлюс.

Опубликованная судебная практика свидетельствует о применении положений п. 32 Постановления № 24 при разрешении конкретных споров. Так, в деле А40-19954/23 суд со ссылкой на указанный пункт признал правомерным выбор сторонами для регулирования отношений по банковской гарантии Унифицированных правил для гарантий по требованию (публикация № 758 Международной торговой палаты)¹⁴. В деле А40-235190/2022 суд, опираясь на п. 32 Постановления № 24, признал правомерным выбор сторонами договора субподряда (двумя российскими юридическими лицами) в качестве применимого к их отношениям права Англии и Уэльса (одна из сторон действовала в составе консорциума по реализации инвестиционно-строительного проекта с участием лиц иностранного права)¹⁵.

К другим примерам закрепления в Постановлении № 24 положений, имеющих нормативный характер, относятся правила п. 21 о включении в вещный статут вопросов, связанных с залогом движимых вещей; правила п. 30 об обусловленном (альтернативном) выборе применимого права и границах такого выбора, а также иные правила. Указанные положения активно применяются при разрешении конкретных споров нижестоящими судами¹⁶.

Таким образом, анализ двух ключевых для права интеллектуальной собственности и международного частного права постановлений Пленума ВС РФ наглядно демонстрирует наличие в их содержании не только официальных разъяснений норм действующего законодательства, но и иных положений, имеющих методологическую и нормативную природу, содержание которых не выводится из содержания норм действующего законодательства. Эти методологические и нормативные положения имеют общеобязательный, императивный характер, рассчитаны на многократное применение и образуют юридическую основу мотивировки решений по конкретным делам, что подтверждается материалами опубликованной судебной практики.

Заключение

Проведенный обзор законодательства, устанавливающего полномочия Верховного Суда РФ по изданию актов руководящей судебной практики, а также результаты анализа содержания постановлений Пленума ВС РФ недвусмысленно

---

¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 марта 2024 г. № 09АП-89465/2023-ГК // КонсультантПлюс.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 октября 2025 г. № 09АП-28195/2025 // КонсультантПлюс.

¹⁶ Пункт 21 Постановления № 24: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2025 № Ф04-6519/2024 по делу № А46-24212/2023; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2025 по делу № А56-45098/2024; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.04.2025 № Ф04-75/2025 по делу № А46-24184/2023 и др. Пункт 30 Постановления № 24: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.06.2021 № Ф06-5526/2021 по делу № А55-29570/2019; Апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2019 по делу № 33-18759/2019 и др. // КонсультантПлюс.

свидетельствуют об их «нормативно-интерпретационной» природе¹⁷. Наряду с руководящими разъяснениями норм действующего законодательства они содержат методологические указания и полноценные правила поведения. Эти факты позволяют сделать вывод о месте и роли актов руководящей судебной практики в механизме правового регулирования, что отражает новизну результатов данного исследования.

Акты руководящей судебной практики относятся к средствам правового регулирования, формирующимся вокруг первой стадии процесса правового регулирования – общего действия норм, оказывающего неперсонифицированное регулятивное воздействие на общественные отношения. Имея в качестве отправной точки при формировании обобщения практики разрешения споров по конкретным делам, сформировавшись в своем содержании, они отделяются от источника возникновения и присоединяются к правовым явлениям, тяготеющим к нормам.

Роль актов руководящей судебной практики заключается не только и не столько в разъяснении и детализации норм действующего законодательства. Они восполняют недостающие правила, в которых нуждается регулятивная среда, а иногда и корректируют не совсем удачные законодательные решения, как это имеет место с п. 8 Постановления № 24.

Безусловно, нам следует четко разграничивать акты руководящей судебной практики с актами толкования, предпринимаемыми в ходе четвертой, факультативной, стадии процесса правового регулирования – стадии применения права. Применение права само по себе составляет процесс, в котором толкование норм занимает четкое место: второй этап правоприменительного процесса представляет собой поиск и толкование норм, подлежащих применению для урегулирования правовой ситуации. Но это толкование локализовано в фактических обстоятельствах конкретной правовой ситуации, осуществляется в ее контексте, не имеет общеобязательной силы и не рассчитано на многократное применение.

Список источников

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Проблемы теории права. Москва: Статут, 2010. 781 с.
2. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. Москва: Норма: Инфра-М, 2017. 496 с.
3. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3. Государство, право, общество / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Норма, 2007. 712 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. Москва: Юрист, 2004. 245 с.
5. Поляков А. В. Общая теория права: курс лекций. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 642 с.
6. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2. Право / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Норма, 2007. 816 с.

---

¹⁷ Термин предложен Т. Я. Хабриевой, исследовавшей юридическую природу актов Конституционного суда РФ. См.: Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. Т. 2. Право / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Норма, 2007. С. 493.

7. Карпетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. Москва: Статут, 2011. 308 с.
8. Лунц Л. А. Международное частное право. Общая часть. Москва: Юридическая литература, 1973. 384 с.
9. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ; отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. Москва: Статут, 2021. 665 с.

References

1. Alekseev S. S. Collected Works: in 10 vol. Vol. 3. Problems of the Theory of Law. Moscow: Statut; 2010. 781 p.
2. Theory of State and Law: Textbook / Ed. V. D. Perevalov. Moscow: Norma: Infra-M; 2017. 496 p.
3. General Theory of State and Law. Academic Course: in 3 Vol. Vol. 3. State, Law, Society / Ed. M. N. Marchenko. Moscow: Norma; 2007. 712 p.
4. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law: Textbook. Moscow: Jurist; 2004. 245 p.
5. Polyakov A. V. General Theory of Law: Lecture Course. St. Petersburg: Juridical Center Press; 2001. 642 p.
6. General Theory of State and Law. Academic course: in 3 vol. Vol. 2. Law / ed. M. N. Marchenko Moscow: Norma; 2007. 816 p.
7. Karapetov A. G. The Struggle for Recognition of Judicial Lawmaking in European and American Law. Moscow: Statut; 2011. 308 p.
8. Lunts L. A. Private International Law. General Part. Moscow: Legal Literature; 1973. 384 p.
9. Commentary on Section VI "Private International Law" of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) / S. S. Alekseev ICChP under the President of the Russian Federation; eds. I. S. Zykin, A. V. Asoskov, A. N. Zhiltsov. Moscow: Statut; 2021. 665 p.

Информация об авторах:

Варавенко Виктор Евгеньевич, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры международного публичного и частного права ДВФУ, г. Владивосток, vevaravenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6053-0394>

Ниязова Марина Валентиновна, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВВГУ, г. Владивосток, marina.niazova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5638-6959>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/186-199>

EDN: <https://elibrary.ru/WHELAL>

Дата поступления:
24.04.2026

Одобрена после рецензирования:
12.05.2026

Принята к публикации:
15.05.2026